

Мое второе Я

Никита и Зойка всегда были вместе. Лазили по заборам, читали книжки, стояли друг за друга горой, как брат и сестра. У них был свой тайный остров и дружба навсегда. Но взрослая жизнь разметала иллюзии детства. И вот уже Никита — адвокат, он женат на Ирине, которую скорее терпит, чем любит. Зойка тоже вышла замуж, назло Никите. Но вскоре развелась и встретила Сашу. У них есть дочь Танечка, красивый дом, взаимоуважение. А любовь? Ничего, стерпится, слюбится. Все рушиться, когда в дом Зойки врываются грабители. Потрясенная женщина узнает, что действовали они... по наводке любовницы Саши. Отчаявшаяся Зойка случайно встречает Никиту. После стольких лет они сидят вместе, на их тайном острове. Как раньше... Они вспоминают, что много лет назад написали на бумажках, каким будет их будущее, спрятали все в бутылку и закопали на острове. Открыв послание из прошлого, Зойка и Никита понимают: все сложилось не так...

A romantic close-up photograph of a man and a woman. The man, on the right, is bald with a light beard and is kissing the woman on the forehead. The woman, on the left, has long, wavy brown hair with blonde highlights and is smiling softly with her eyes closed. The background is a soft, out-of-focus outdoor setting. The text 'ТАНЯ ВИНК' is overlaid at the top in a stylized font.

ТАНЯ ВИНК

МОЕ
ВТОРОЕ Я

20

Таня Винк

МОЕ
ВТОРОЕ «Я»

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8780-8 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайнер обложки Анастасия Попова

Микита і Зойка росли разом. Лазили по парканах, читали книжки, стояли одне за одного горою, наче брат і сестра. У них був таємний острів. І здавалося, що ця дружба назавжди. Але доросле життя розвіяло дитячі ілюзії. І ось вже Микита адвокат, одружений з Іриною. Зойка теж вийшла заміж. У них з Сашком доросла донька, красивий будинок, взаєморозуміння. Усе руйнується, коли в будинок Зойки вриваються грабіжники. Зойка з жахом дізнається, що діяли вони за вказівками коханки Сашка. Зневірена Зойка повертається в рідне селище і там зустрічає Микиту. Після стількох років розлуки вони сидять разом на їхньому таємному острові. Як раніше. Вони згадують, що багато років тому написали на папірцях, яким буде їхнє майбутнє, сховали записки в пляшку і закопали на острові. Відкривши послання з минулого, Зойка та Микита розуміють: усе склалося не так...

Винк Т.

В48 Мое второе «Я» : роман / Таня Винк. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 288 с.

ISBN 978-617-12-8641-2

Никита и Зойка росли вместе. Лазили по заборам, читали книги, стояли друг за друга горой, как брат и сестра. У них был свой тайный остров. И казалось, что эта дружба навсегда. Но взрослая жизнь развеяла детские иллюзии. И вот уже Никита адвокат, женат на Ирине. Зойка тоже вышла замуж. У них с Сашей взрослая дочь, красивый дом, взаимопонимание. Все рушится, когда в дом Зойки врываются грабители. Зойка в ужасе узнает, что действовали они по наводке любовницы Саши. Отчаявшаяся Зойка возвращается в родной поселок, где и встречает Никиту. После стольких лет разлуки они сидят вместе на их тайном острове. Как раньше. Они вспоминают, что много лет назад написали на бумажках, каким будет их будущее, спрятали записки в бутылку и закопали на острове. Открыв послание из прошлого, Зойка и Никита понимают: все сложилось не так...

УДК 821.161.2(477)

© Винник Т. К., 2021

© Depositphotos.com / vova130555@gmail.com, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Глава 1

В ваш дом когда-нибудь врываются незнакомые люди в масках и с обрезамми? На пол вниз лицом лечь не приказывали? Не угрожали убить вас и вашу семью? Нет? Что ж, тогда все отлично, тогда вы — счастливый человек. Потому что после такого ваше счастье и все с ним связанное — а связано все самое дорогое — испугаются и забьются в самый маленький уголок вашей души, а освободившееся место займет буро-желтый слизкий страх. Он вцепится в вас как пиявка. Эту пиявку вы не сбросите, даже не попытайтесь, вы и глазом не моргнете, а она уже внутри вас, в мозгах, в мышцах, в печени. И в глазах. А у страха глаза сами знаете какие... Прежним вы уже не станете, не надейтесь, и на мир отныне будете смотреть по-другому. Потому что даже когда страх уйдет, те глаза, охваченные им, останутся...

Почему страх буро-желтый? А черт его знает! Таким он показался Зойке между ударом в ухо увесистым кулаком размером с кувалду и диким ревом мужа, из которого она поняла, что если они еще раз хоть пальцем ее тронут, то Саша достанет их даже с того света. Один из нападавших с силой пнул Сашу под ребра носком ботинка на толстой подошве — с гортанным «гых!» муж извернулся и подтянул колени к животу как можно плотнее — насколько был в состоянии, лежа на полу вниз лицом со связанными за спиной руками.

Зойка не успела собрать разлетевшиеся от удара мысли, как ее схватили за волосы, стянутые на затылке резинкой, и снова поставили.

— Где деньги?! — злобное рычание оглушило пульсирующее от боли ухо.

Резкий мускусный запах окончательно вернул ее в реальность — эта скотина вылила на себя Сашкины духи, но на нем они не пахли, на нем они воняли. Впрочем, сейчас он — хозяин. Он — властитель их жизней. Козел! Вонючка!

Вместе с реальностью вернулась трезвость мысли, и сердце утешительно екнуло — Таня у дедушки! Но успокоилась она ненадолго, все снова поглотил страх, и Зойку накрыло ощущение, что в желудке образовалась глыба колючего льда. Глыба эта медленно тает, и капли ледяной воды так же медленно попадают в кровь. Зойку начинает трясти от холода. Она хочет крикнуть: «Я все отдам, только

не трогайте мужа!» — но не может: голосовые связки парализовало. И всю ее парализовало. И нет в ней ни костей, ни мышц, ни суставов, ни крови, а только страх. Уже не буро-желтый, а бело-голубой, и в ушах звенит так, что и думать больно, и языком больно шевелить, но отвечать надо. Она открывает рот, но вместо слов из горла выскакивают одни хрипы.

— Эй ты, глаза не закатывай! — Вонючка больно дергает за волосы и тянет вверх и назад. Зойка вскрикивает и, мелко перебирая ногами, становится на цыпочки.

— Отпустите ее! — Саша бьется на полу, как рыба, выброшенная на берег. — Оставьте мою жену в покое!

И снова получает удар по ребрам.

Он скрипит зубами, дергает головой:

— Деньги в сейфе... Зоя, отдай все...

Хвост отпускают, и долю секунды Зойке кажется, что голова не станет на место, а упадет на пол и, подпрыгивая, с глухим стуком покатится к Саше. Она обхватывает голову руками, и звон в ушах спускается с высокой ноты на среднюю. Она боязливо косится на ротщель уродливой силиконовой морды, которую позже майор УБОП Денис Ильич назовет «маской убийцы», а потом на мужа, лежащего возле столика с хрустальными флаконами, наполненными коньяками, виски и вином.

— Где деньги, сука?! Говори! — снова хватают ее за волосы.

— В сейфе! — вылетает из Зойкиного горла. — В спальне... прошу вас... — Извиваясь, она перетаптывается на носочках и старается не шевелить головой. — Сашу не трогайте... Мы все отдадим... Пожалуйста...

Острая, внезапная боль простреливает правый висок, и Зою трясет еще сильнее.

— Конечно отдашь! — снова гаркают в ухо и хвост отпускают. — Давай вперед! Где спальня?

— Там... — Зойка протягивает дрожащую руку, — в конце коридора...

— Пошла!

Толчок в спину — и она летит в дверной проем, больно ударяясь плечом о косяк.

— Пошевеливайся! — Снова толчок.

Изо всех сил пытаюсь сохранить равновесие, Зойка пролетает мимо кабинета мужа, гостевого туалета, двери в сауну, и ее полет заканчивается возле кладовки. Там ее хватают за плечо и тащат в конец коридора.

Грабители в ярости: они не ожидали найти в доме неслабо зарабатывающего менеджера айтишной компании какие-то хреновы, как они выразились, тридцать две тысячи гривень и золотые швейцарские часы. Эти часы Павел Павлович, Сашкин дед по материнской линии, когда-то выиграл в покер и подарил внуку в знак своей поддержки — вопреки желанию родителей, Саша поступил в институт радиоэлектроники, а не в медицинский, как они хотели. Вопреки, потому что его родители, оба едва сводящие концы с концами преподаватели ветеринарного института (мама — кафедры философии, папа — паразитологии), видели сына только врачом-урологом — таким, как их сосед, который после пол-литра водки рассказывал, что на удалении аденомы простаты он имеет штуку баксов, а аденом этих не счесть.

Сашка вздыбился, считая себя человеком технического склада ума, и в разгоревшемся крупном семейном скандале его поддержал только Павел Павлович, инженер-проектировщик жилых и промышленных зданий. К тому же более успешный, чем его дочь и зять — Сашины родители, — повернутые на антиквариате (боже упаси продать самую маленькую серебряную ложечку, это ж кощунство, ведь из нее кормили еще Сашкиного прадеда!) и всегда охочие до ленивого потягивания двойного кофе, обсуждения последних политических и литературных новостей, пренебрегая при этом зарабатыванием денег и практичным подходом к жизни.

В то время как они с восьми тридцати до четырех двенадцати чинно ходили на государственную службу, оплачиваемую по ничтожному государственному тарифу, рано овдовевший дед покинул разваливающийся институт и основал частную проектную фирму, дал коллегам работу, а заработанное тратил на отдых и путешествия по миру с дамочками, которых Сашины родители, ясное дело, люто ненавидели.

— Успокойтесь, — сказал Павел Павлович в ответ на аргумент, что Саша с дипломом программиста будет просить милостыню в переходе метро, — вот увидите, очень скоро толковые программисты не только

составят конкуренцию урологам по востребованности, а и значительно их обгонят.

Предвидение деда подтвердилось — Саша, высокооплачиваемый менеджер компании по разработке компьютерных игр, зарабатывал намного больше хирурга-взяточника. Зарабатывал официально. Жаль только, Павел Павлович этого не увидел — он умер накануне своего шестьдесят шестого дня рождения.

Притащив Зойку обратно, Вонючка бросил ее на диван и присел на корточки возле Саши:

— Давай колись, где остальное прячешь? И быстренько.

— Больше у нас ничего нет.

— Что, золотишка нет? — хихикнул один из грабителей.

— Нет, — простонал Саша, отрывая щеку от пола, — мы равнодушны к золоту.

— Равнодушны? — переспросил главарь. — Слышь, пацаны, они равнодушны к золоту. Ну мы попали! — И они заржали как кони. — А часики? Милое исключение?

— Это подарок деда.

— Это правда, у нас нет золота, — заныла Зойка.

Саша не лгал — он ценил не золото, но хорошую одежду, комфортабельные курорты и автомобили. Насчет Зои он тоже не лгал — ее родители не привили ей любви к золоту, ради которого люди и деньги большие тратят, и голову иногда теряют. Временами какие-то эксклюзивные вещи ей нравились, но были не по карману, однако то, что было по карману, она бы и даром не взяла.

И еще золото у нее ассоциировалось с Иркой, с детства обвешанной побрякушками, как новогодняя елка. И с ее мамашей, Галиной Ивановной, надевающей на себя все сразу: кольца, браслеты, цепочки, серьги — разве что в носу кольца не было. По ее родному поселку до сих пор ходили сплетни, сколько всяких украшений Галина Ивановна оставила на пляжах советских курортов: серьгу с внушительным бриллиантом, два кольца, цепочку с кулоном, потому как без золота считала себя практически голой. Правда, на отдыхе за границей с нынешним, третьим мужем, Андреем Михайловичем, она почему-то золото на себя не цепляет — поначалу было нацепила, а потом как отрезало. И нарядов стала брать меньше, а если и брала, то попроще — джинсы, майки, шорты. Секрет раскрыла ее родная сестра,

Катерина Ивановна, мол, Галка хочет, чтоб ее принимали за европейку. Желательно за итальянку.

С кем золото никогда не ассоциировалось, так это с Зойкиной мамой, Надеждой. Зойке было десять, когда мамы не стало, и бабушка спрятала ее тоненькую, в ниточку, золотую цепочку. Галина Ивановна и Катерина Ивановна еще при жизни Зоиной мамы потешались, мол, чем такое носить, так лучше вообще ничего. Еще бабушка спрятала два колечка, обручальное и с камешком, мамин потертый кошелек, губную помаду и ночную рубашку, ту, в которой Надя спала в свою последнюю ночь, — ее так и не постирали.

Все это, завернутое в марлю и пропахшее лавандой, бабушка Марта чуть ли не каждый день доставала из глубин платяного шкафа, садилась на край дивана и раскладывала на коленях, а Зойка сразу бежала подальше от дома, потому как не могла слышать ни ее причитания, ни рыдания. И не могла смотреть бабушке в глаза — было в них что-то такое, от чего девочке становилось страшно. И еще она удивлялась: раньше бабушка все время маму ругала, обзывала, даже била, а теперь плачет и чуть ли не каждый день на кладбище ходит. Там она молится и кричит «прости меня!», а дома другой темы, кроме как про памятник, не существует. Не успеет зять прийти с работы — он в школе историю преподает, — как бабушка вместо «сядь, Степушка, поешь», ни к кому не обращаясь, начинает голосить: «Не доживу я до памятника... Ой, не доживу!» Скорбное лицо сделает и сидит, перед собой смотрит.

— Марта Юрьевна, ну что вы такое говорите? Вы еще сто лет жить будете, — говорил Степан и мысленно подсчитывал, сколько еще денег на памятник не хватает. Просто не было у Зойкиного отчима сил объяснять неугомонной теще, что земля еще не осела.

— Послал бы ты ее подальше, — советовала ему Наталья, соседка и бывшая Надина подруга, — она всю жизнь кровь Надькину пила, а теперь — памятник? Думает, Бог ей все простит? Смотри, Степа, не позволяй ей на шею садиться, она только и ждет этого.

Никто не знает, чего ждала от зятя Марта Юрьевна, но тот ее жалел — чувствовалось в ней нечто, что терзало душу: незаживающая, кровоточащая рана, обида, растерянность, обескураженность, ну и злость. Ее муж, которого она любила до беспомысленности, бросил ее ради юной девчонки, поэтому она страдает и злится, а до его ухода

была доброй. А на ком можно злость выместить? На своем ребенке: он не ответит, сдачи не даст. Не судья он Марте Юрьевне и вообще никому не судья, а сердце у Степана жалостливое, и в конце июня на Надеждиной могиле уже стоял памятник.

Марта Юрьевна в порыве благодарности отдала зятю дочкины украшения, мол, скоро все равно помирать, пусть у тебя будут, насадила цветов и воспряла духом — теперь у нее была забота, чтоб с апреля по октябрь не переводились на могиле цветы. Забота эта поглотила не все ее существо, часть себя Марта Юрьевна отдавала внучке — не девочка, а непонятно что: ни шить, ни вязать не умеет, а только мяч с мальчишками гоняет. И вся в падлючью породу своего родного отца, Виктора.

— Мама, ну зачем вы так? — защищал Степан падчерицу. — Она же Надина копия.

Но теща его не слушала, ей было больно, что все так в жизни сложилось: Надя влюбилась в Виктора, парня из семьи, о которой Марта всегда думала плохо. Чует ее сердце — приложили они руку к горю в ее семье, но к делу этого не подошьешь и никому об этом не скажешь.

А сколько слез Надя пролила! Она уже глубоко беременной была, уже надо было думать, как дальше жить, а он бросил ее и уехал. Надя — к его родителям, а они: знать не знаем, где он, и вообще, что тебе тут надо?

Вернулся Виктор, когда Зойке было восемь месяцев, к дочке не пришел, а когда Марта к нему с претензией явилась, то спрятался и вскоре снова исчез, люди сказали, что куда-то на север завербовался. Так в доме у Марты одно предательство наложилось на другое. И в беспомощности своей, в невозможности исправить ни свою ошибку, ни дочкину, она обозлилась на весь свет и лютовала до своего последнего часа.

— А ты не обижайся на бабушку, ей тяжело, не дай бог хоронить своего ребенка, — уговаривал Степан Зойку, не позволяя Марте Юрьевне замахиваться на нее полотенцем или веником. Он — официальный опекун, и на нем ответственность за девочку, говорил он теще. И грозился, мол, если будете кровь ее пить, заберу и уеду. Куда? Найдет. Друзей у него много, пропасть не дадут. Теща губы пожует, глазами повращает, слезу пустит и отступит. И на какое-то время

становится доброй и ласковой. Степа, конечно, никуда не уезжал — его дом здесь, и не только этот, а и дом его детства, в котором он рос и к которому прикипел всей душой.

Перед пятой годовщиной Надиной смерти баба Марта сильно сдала, похудела, стала кашлять, особенно по ночам, но к врачу идти отказывалась. И окончательно, вдрызг рассорилась с бабой Феней, матерью Катерины Ивановны и Галины Ивановны. Но то не было неожиданностью — дня не было, чтоб они не грызлись, а корни этой грызни уходили в их молодость, во времена, когда Феня и Марта не поделили мужика.

Мужик этот, будущий Надин отец, предпочел Марту, а еще более эта вражда усугубилась после того, как он ушел от Марты к молодой. О, тут Феня всю распоясалась и беспрестанно проезжалась по одиночеству соседки — сама тогда еще не овдовела. Бывало, стоят обе кверху задом, каждая на своем огороде, вид делают, что одна другую не замечает, а потом как сцепятся! Благо забор высокий — муж Марты поставил его вместо низенького плетня, после того как Феня перемахнула через него и женщины едва не поубивали друг друга в драке.

А в тот последний день баба Феня, к тому времени уже овдовевшая, в стотысячный раз выкрикнула: «Чтоб ты сдохла, сука старая!» А Марта в стотысячный раз ответила: «Чтоб тебя черви поели!» И на том рано состарившиеся женщины — а было им тогда чуть больше шестидесяти — разошлись навеки, потому что на следующий день Марта умерла. Собирала в огороде опавшие листья, упала, и все. Как оно произошло в точности, никто не знает — Степа и Зоя были в школе, а от соседских глаз ее закрыла эта самая куча листьев, и она пролежала там до возвращения Зойки. На вскрытии обнаружили злокачественную опухоль в правом легком и тромб в легочной артерии. Зойка до сих пор не может забыть, как нашла бабушку и какое у той было лицо, — после этого девочка сразу заболела непонятно чем: ни кашля, ни насморка, а только температура высокая. С этой температурой она провалялась два дня, ничего не ела, не пила, а потом встала — и никаких следов.

Когда Зойке исполнилось шестнадцать, Степан Сергеевич протянул ей марлевый сверток и сказал, что отныне она может носить и цепочку, и колечко с камешком.

— Все это твое, — сказал он, добавив, что мама была бы рада, и надел колечко с маленьким сапфирчиком на Зойкин палец.

Зойка посмотрела на руку — подарок неожиданный, но не очень желанный, вот если бы новые кроссовки, а то в старых носки и подошвы стерлись, да и жмут сильно. Ну и кисточки новые нужны, а то уже рисовать нечем.

— Папа, я его потеряю и цепочку тоже могу потерять, — сказала она жалостливо, будто уже потеряла.

— Ты не обязана все это носить, просто пусть у тебя лежит, о маме напоминает. — Он шмыгнув носом и отвел глаза в сторону.

Зойка поняла — он уже выпил, значит, скоро добавит, а потом спать ляжет. Ей стало одиноко и обидно. Но не так обидно, как раньше. После того как она поняла причину его пьянства, она его жалела. Но как он сам не понимает — он же школьный учитель и должен всем пример подавать? А тут какой пример? Наверное, все это было написано на лице Зойки, потому что Степан Сергеевич бросил на нее виноватый взгляд и, покашливая в кулак, произнес:

— Я утречком к мамке твоей ходил, с твоим днем рождения поздравил.

— Спасибо...

— Ну, прячь свое наследство, будешь доставать и маму вспоминать.

— Я маму и так помню, — огрызнулась Зойка и завернула украшения в марлю — не любила она, когда отец даже чуть-чуть пил.

Зойка помнила и маму и бабушку, они просто жили в ее сердце, и память о них с каждым годом все более наполнялась жалостью и сожалением — отношения в семье были напряженными, и обе женщины ушли, оставив после себя привкус недосказанности и нелепости.

Мамины украшения жили в глубинах шкафа, они и сейчас были там — не могла Зоя ни цепочки надеть, ни кольца, а потом наступило время для первого обручального. Зойка недолго его носила — брак с Алексеем продержался год и месяц, а фактически и того меньше, а кольцо до развода не дожило: Алексей сдал его в ломбард, чтобы было на что пойти с друзьями в кабаки. Сдал хитрым образом — спрятал куда-то, и Зоя решила, что она его потеряла. Выходя замуж за Сашу, она остановила свой выбор на широком кольце из золота и эмали авторской работы, а Сашка — на тоненьком и без эмали.

Кольца эти безмерно удивили Сашкиных родителей — по их мнению, кольца должны быть одинаковыми.

— Это плохая примета. — Анна Павловна вскинула тонко выщипанные брови и перевела взгляд на молодых.

— Мамочка, это все суеверия, ты же умница, философ. — Саша поцеловал Анну Павловну в пергаментный, с синими прожилками висок.

Но Анна Павловна занервничала не на шутку. Она в задумчивости опустилась на диван, на котором сиживал в подгузниках еще Сашкин дед по отцовской линии, и застыла в горемычной позе — видимо, гибель марксистско-ленинской философии, а с ней и Коммунистической партии кардинально повернула ее мировоззрение в сторону мистицизма. Надо же чем-то заполнять образовавшуюся пустоту.

— Аня, ну что ты в самом деле? — Муж погладил ее по плечу. — Времена меняются...

— Петенька, — она строго посмотрела на мужа, — времена, но не традиции. Традиции нарушать нельзя, не к добру это, — ее голос дрогнул, и она поджала тонкие, выцветшие губы, не знавшие другой помады, кроме гигиенической.

Но молодые не только эту традицию нарушили — они не пригласили гостей, а просто рванули на недельку в Грецию. Анна Павловна и тут расстроилась, но Саша снова поцеловал ее в висок и напомнил, что у них обоих это второй брак.

— Да, да... — И Анна Павловна снова застыла в той же горемычной позе — поводов посидеть за столом становилось все меньше.

— Говоришь, золота нет? — враждебным тоном произнес Вонючка. — А у нас другая информация.

— Вас обманули, — процедил Саша сквозь зубы.

— Меня никто не может обмануть, слышишь, ты? — Вонючка легонько шлепнул его по коротко стриженному затылку. — И учти, меня лучше не злить.

— Я не хочу вас злить, я говорю...

Саша не закончил фразы — Вонючка поднял кулак и с силой опустил его на Сашкин затылок. Сашка стукнулся носом о пол и вскрикнул, а по паркету потекла тоненькая струйка крови.

— Саша! — Зойка сорвалась с дивана.

— Сидеть!

Пылая негодованием, Зойка сцепила кулаки и села. Вонючка поднялся и пнул Сашу ботинком в бедро.

— Даже не думай обмануть меня, — он наклонился над ним. — Мы сейчас тут все перевернем. Храни вас бог, если что-то найдем. Ты понял?!

Снова удар ногой, снова «гых!». Саша дернулся, изогнулся и громко хлюпнул носом.

— Не бейте его! — Зойка вскочила, но ее тут же толкнули обратно.

Вонючка направил на нее указательный палец:

— Заткнись или...

— Что — или?! — завопила Зойка. — Вы ж видите, у него кровь хлещет!

— Ничего, в человеке девять литров крови. Эй, дайте тряпку! Из него течет, как из крана! — Вонючка нетерпеливо взмахнул рукой.

Один из бандитов, стоящий возле холодильника, бросился к рулону бумажных полотенец, прикрепленных к стене, оторвал кусок и сунул Саше под нос.

«Вонючка грязная», — вертелось в Зойкиной голове — надо же было о чем-то думать, чтоб, глядя на кровь, растекающуюся по полу и пятнами проступающую на полотенцах, не сойти с ума.

И тут перед Зойкиными глазами, будто из-под земли, выскочил другой Вонючка — педофил из детектива, который она иллюстрировала. Как-то само собой книжный Вонючка перетек в стоящего перед ней грабителя, и Зойка, прикусив губу, подняла глаза на маску.

— О чем думаешь? — враждебно спросил Вонючка, медленно приближаясь к Зое.

— Сказку вспомнила.

— Какую сказку?

— «Али-Баба и сорок разбойников», — соврала Зойка, отмечая, что к ней возвращается смелость.

— И что в ней интересного?

— А вы ее не читали? В ней про разбойников.

— Во-первых, мне мама сказки на ночь не читала. Ей некогда было, она всю жизнь работала как каторжная и маникюры не делала.

— Я тоже маникюр не делаю, — холодно сказала Зоя.

— Не смей перебивать, когда я говорю! — рявкнул Вонючка и после короткой паузы продолжил: — А во-вторых, мы не разбойники, мы воспитатели. Поняла?

— Да, — покорно ответила Зоя, чувствуя, как снова возвращается страх.

— Повтори: вы — воспитатели.

— Вы воспитатели, — тихо произнесла Зоя.

— Громче!

— Вы воспитатели! — заорала она.

— Молодец. А теперь скажи: «Спасибо за хорошее воспитание».

Зоя нахмурилась и тут же получила затрещину. И снова в левое ухо.

— А в правое нельзя? — вскрикнула она, стиснув зубы и наливаясь злостью.

И получила в правое. Слезы сами выкатились из глаз, и Зойка заплакала не столько от боли, сколько от ненависти, отчаяния и бессилия.

— Не трогайте мою жену! — закричал Саша.

— А мы не трогаем, мы только разминаемся. Ты даже не представляешь, как мы умеем трогать. Итак, я жду вежливое «спасибо».

— Спасибо, — выдавила Зоя.

— За что ты меня благодаришь?

— За хорошее воспитание.

— Молодец. И без моего разрешения на меня не смотри, я этого не люблю.

— Да, конечно...

— Что «да»?! Что «конечно»?! — Он наклонился и схватил Зойку за волосы. — За хорошее воспитание надо платить! Где бабло?! Где золото?!

— Ничего нет... — простонала Зойка, — мне... больно...

— Это еще не больно! — маска была совсем рядом с ее лицом.

— Послушайте, бога ради, в доме больше ничего нет! — закричал Саша.

— Не поминай Бога всуе, — назидательно произнес Вонючка, разжал пальцы, и Зойка плюхнулась на диван. — Значит, нету? Эй,

берите его! — Вонючка махнул рукой, и двое подхватили Сашу под мышки.

— Куда вы? Оставьте его! — заорала Зойка.

— Заткни пасть, иначе мы его убьем!

И Сашу потащили в коридор. Зоя привстала, чтобы видеть, куда они его тащат, и получила довольно сильный удар кулаком в плечо.

— Сидеть! — рыкнул оставшийся в комнате грабитель, самый низкорослый. — Только рыпнись, и я тебя порву!

Господи, все это происходит не с ней, это какое-то безумное кино. Сейчас она закроет глаза — и все исчезнет. Она прижалась спиной к диванной подушке, закрыла глаза и тут же получила оплеуху.

— Смотри на меня! — коротышка наклонился к Зойке и медленно подвел к ее глазам два пальца, растопыренные в виде латинской буквы V, а потом поднес к своим глазам, вернее, к отверстиям в маске: — Сюда смотри!

Зойка покорно уставилась на щели для глаз.

— То-то. — Он попятился и взобрался на край стола.

Она не знала, куда повели мужа, но по звуку защелки догадалась — в сауну. Глядя на сидящего на столе грабителя, она прислушивалась, но бесполезно — дверь в сауну закрывалась очень плотно. Только бы его не били! Время как будто остановилось, и от неожиданного щелчка открывающейся двери Зойка вздрогнула.

Первым вошел Вонючка, за ним — Саша, которому тут же приказали сесть на пол. Новых ссадин на его лице не было заметно. Зоя нашла в себе силы ободряюще улыбнуться, но Саша на нее не смотрел.

Вонючка согнал со стола коротышку и взял из вазы яблоко.

— Мытое? — спросил он.

— Да, — ответила Зоя.

Но он не поверил — тщательно вымыл яблоко под краном, вытер бумажным полотенцем, оттянул низ маски и сунул под нее яблоко. Он съел яблоко в полной тишине, огрызок швырнул на пол и вынул из кармана черной спортивной куртки смартфон. Снял синюю хирургическую перчатку и провел по экрану пальцем:

— Она у вас прехорошенькая, — он поднес смартфон к Зойкиным глазам.

— Саша... — дрожащим голосом простонала Зойка, не в силах отвести глаз от фотографии. — Саша! У них Танина фотография! Зойка всхлипнула и зажала рот рукой.

— Зоя, молчи, — выдохнул Саша и получил ногой ниже поясницы.

— Молчать?! — Зоя затрясла руками в воздухе. — У них фото Тани! Ты понимаешь это?! — И она зарыдала в голос.

— Заткнись! — прикрикнул на нее Вонючка.

— Чего вы от нас хотите?! Что вам надо?! Говорите, черт бы вас побрал! — выкрикивала Зойка, давась рыданиями.

— Ух ты какая смелая! — Вонючка захихикал. — Ну я тоже стану смелее, — с угрозой в голосе произнес он, повернулся к Зойке спиной, сунул смартфон обратно в карман, натянул перчатку и взял из рук подельника обрез.

И направил дуло в голову Саши.

— Не надо! — закричала Зоя, не сводя глаз с черного узкого дула с поблескивающим металлическим ободком.

Вонючка взвел курок.

— Прошу вас... — Зойка сложила руки в молитвенном жесте. — Пожалуйста... Не нужно... Пожалуйста...

— Считаю до трех. Раз...

Зойка не помнила, как вырвалась из цепких рук коротышки и оказалась на коленях возле мужа, — все случилось крайне неожиданно, ноги сами несли ее.

— Прошу вас! Не надо! Он хороший человек... Он никому ничего плохого не сделал! — переводя умоляющий взгляд с одной маски на другую, она прижимала голову Саши к своей груди. Слезы потоком лились из ее глаз. — У нас нет ни денег, ни золота, это правда, мы все вам отдали... Этот дом... Мы в долгах... У нас кредит... Ну почему вы нам не верите?! — Ее голос сорвался на крик.

Она замолчала и еще крепче прижала голову мужа к груди, будто таким образом могла его спасти. Повисла тишина. Первым ее нарушил Вонючка:

— Ты уверена, что твой муж хороший человек?

— Да!

— И ты уверена, что он никому ничего плохого не сделал?

Зоя опустила руки и с мольбой посмотрела на мужа:

— Саша, о чем он говорит?

— Я не знаю.

— Не знаешь? — Она безуспешно пыталась поймать взгляд мужа.

— Саша, прошу тебя... Кому ты сделал плохо?

— Я никому плохо не сделал! — Саша смотрел ей в глаза. —

Никому!

— Тогда почему он так говорит?

— Зоя, верь мне, прошу...

— Заткнитесь оба! — рыкнул Вонючка, держа обрез на плече. — Вы мне надоели. Менеджер, смотри на меня. Во сколько ты оцениваешь жизнь своей дочери? Давай, думай быстрее, нехорошо доводить жену до слез.

Саша шумно глотнул и исподлобья уставился на Вонючку.

— Давай думай! Ты всему знаешь цену и людям тоже. Ты знаешь, кто дорого стоит, а кто дешево. Я прав?

Молчание.

— Я тебя спрашиваю, ублюдок, я прав?! — прогремел Вонючка, рывком снимая с плеча обрез.

— Да, вы правы, — на лице Саши заострились скулы.

— Я всегда прав. Отвечай, сколько стоит твоя дочка? — И снова бьет Сашу ногой в спину.

— Ребенок не может стоять! — вырывается у Зойки. — Не может!

В животе необычайно пусто, в голове рой пчел гудит, и кажется ей, что она находится в эпицентре вихря, а вокруг нее все быстрее и быстрее закручиваются спирали, отливающие холодным металлическим блеском, точно таким, как в Сашиных глазах. И ей снова хочется думать, что все происходящее нереально, что это фильм и что надо только закрыть глаза — и все закончится.

Тем временем в кармане Вонючки зазвонил телефон. Он посмотрел на экран и вышел из комнаты на веранду, плотно закрыв за собой двери. Оживленно жестикулируя, он пару минут расхаживал по веранде, а потом вернулся в комнату.

— Значит так, сейчас мы прошвырнемся по вашим апартаментам. — Он воззрился на Сашу сверху вниз, вернее, воззрилась маска. — А вы пока молитесь, чтобы мы ничего не нашли. Вперед! — скомандовал он подельникам, и те горохом рассыпались по дому. — А ты снимай кольцо! — Он протянул к Зойке руку.

Зойка поспешно стянула колечко с безымянного пальца правой руки и, с трудом остановив волну обжигающего желания швырнуть его грабителя под ноги, вложила кольцо в ладонь, обтянутую хирургической перчаткой.

— Оно не ценное. — Она бросила взгляд на руку Саши и добавила: — Муж свое кольцо давно не носит, оно лежит в ящике его письменного стола.

— Не тебе решать, что имеет ценность, а что не имеет, — хмыкнул Вонючка. Несколько секунд маска пялилась на колечко, потом оно исчезло в кармане черных джинсов. — Сидите тихо, и я вас не трону.

Они сидели безмолвно, и на какое-то время Вонючка потерял к ним интерес — он ходил по комнате и выглядывал в окна, осторожно отодвигая спущенные ролеты.

— Вот скажите, зачем вы построили этот дом? — спросил он после долгой паузы, во время которой Зойку снова начало потряхивать. — Эй, отвечай, я с тобой разговариваю!

— Я выросла в частном доме... — вскинулась Зойка.

— Я не с тобой разговариваю!

— Чтоб жить, — глухим голосом ответил Саша.

— Жить... — главарь сунул руки в карманы джинсов и качнулся с пяток на носки, — а что ты понимаешь в жизни?

Снова пауза.

— Ни черта ты не понимаешь. И цену жизни не знаешь, но мы тебе укажем цену. — Он потянул вверх рукав куртки и посмотрел на часы. — Даю им еще шестнадцать минут. — Он опустил рукав, и снова воцарилась тишина, нарушаемая шмыганьем Сашкиного носа.

Шмыгал он до тех пор, пока Вонючка одним движением руки не смахнул флаконы с напитками на пол. Все мышцы Зойки парализовало — сейчас снова будут бить, подумала она. Пульсирующие и местами отливающие мертвенно-фиолетовым гляncем размышления прервали грабители, с громким топотом и криками «шо такое?!» влетевшие в гостиную с пластиковыми пакетами, Сашиной спортивной сумкой, набитой до отказа, и двумя большими дорожными чемоданами. Из одного пакета выглядывал рукав любимого Зойкиного жакета.

— Ну, что нашли? — Вонючка расставил широко ноги и упер руки в бока.

— Клевый прикид. Уйдет на раз. — Говорящий хихикнул и полез в сильно оттопыренный карман спортивной куртки.

— Клевый прикид? — переспросил Вонючка, и в его голосе звучала угроза.

— Ну да... Ты ж сказал... Вот еще нашли...

И он вывалил на столешницу содержимое кармана — Зойкины часики, обручальное кольцо Саши и старинную серебряную солонку, подарок Сашкиных родителей. (Чтоб карман был сильно оттопыренный□)

— Ого! — Вонючка взял за ремешок часы и покачал ими, как маятником. — А вы говорили, ценностей не любите.

— Они не золотые, — ответил Саша.

— Но что-то же стоят. А что ж это за кольцо такое? — он поднес обручальное кольцо к своим щелям для глаз. — Не стыдно тебе, менеджер, такую дешевку носить? — Он спрятал часы, кольцо и солонку в карман и повернулся к подельникам: — Так, что еще нашли?

— Ценного ничего больше, у них даже столового серебра нет.

— Идиоты, — снисходительно бросил Вонючка. — Ты идиот. — Он показал пальцем, обтянутым перчаткой, на бандита со спортивной сумкой на плече, застывшего возле обеденного стола, и перевел взгляд на другого, с чемоданом: — И ты идиот... И ты тоже.

Покончив с оценкой умственных способностей подельников, он снова повернулся к Саше:

— Сто тысяч долларов за жизнь дочки. Тебе позвонят и скажут, куда и когда ты должен привезти бабки. Диктуйте номера ваших телефонов.

Саша продиктовал, и Вонючка по очереди набрал сначала Зойкин, а потом Сашин номера, проверяя, не обманули ли они его.

— Видишь, мое воспитание действует, — удовлетворенно сказал Вонючка, — мы еще бэху заберем, хорошая тачка. Телефоны не смейте отключать и будьте паиньками, в полицию ни-ни, иначе дочку по кусочкам собирать будете.

Зойка вскрикнула, зажала рот рукой и тут же получила две симметричные и одинаковые по силе затрецины. Наотмашь. Ладонью и ее тыльной стороной. Ее снова хватают за волосы, снова дергают, в шее что-то хрустит. Ее ставят на колени и рассказывают, что будет, если они не заплатят. Или обратятся в полицию.

Зоя уже не может ни кричать, ни плакать, ни дышать и вдруг понимает, что она не на полу, а в кресле и никаких бандитов нет, а напротив нее за письменным столом сидит давний знакомый Денис Гришко. И это не гостиная ее дома, а кабинет Дениса в управлении по борьбе с организованной преступностью.

— Зоя, ты меня слушаешь?

— Да! — Зойка выпрямляет спину.

— А мне показалось, ты где-то витаешь.

Гришко смотрит на нее с пристальным вниманием.

— Нет, Денис, я нигде не витаю, я вспомнила, как все было... — Она втянула носом воздух. — Ну... я круглая дура.

— Перестань! — Денис хмурится.

Она поднимает руку в протестующем жесте:

— Послушай, мы с тобой не одну рюмку водки выпили, так что могу сказать правду: я все понимала, только признавать не хотела. А давай я кое-что угадаю.

— Давай.

— Они познакомились в декабре прошлого года. — Не мигая, она смотрит майору прямо в глаза. — Двадцать первого декабря. Правильно?

Денис Ильич подается вперед, заглядывает в лежащие перед ним бумаги и удивленно вскидывает брови:

— Да, твой муж и Марина Дудина познакомились двадцать первого декабря.

— Ну вот, — Зоя усмехается и разводит руки в стороны, — все совпадает. Двадцать первого днем он позвонил с работы и сказал, что отправляется в срочную командировку. И я уже тогда по его голосу поняла: что-то не так. Потом звонок в начале одиннадцатого, мол, они уже в Киеве. Они — это он и Владимир, и я снова уловила ту самую интонацию. Видишь, я тот день по минутам помню. — Она задумывается на пару секунд и продолжает: — Саша вернулся двадцать третьего, и вот тогда я почувствовала, что он был с женщиной. Денис, мы ведь это всегда видим. — Она криво усмехается. — Мы видим измену точно так же, как любовь. И предательство видим. Вопрос только в том, быть честными с собой

или нет. Да... Это вопрос. — Она подняла вверх указательный палец. — И еще вопрос: что делать, если все понятно и прозрачно? Знаешь, что я сделала, когда он вернулся? Я улыбнулась, будто ничего не произошло. А он меня поцеловал, точнее, клюнул в щеку, как петух, — она коротко засмеялась, — и я вернулась к приготовлению ужина. А нужно было взять Таню за руку и уйти к чертовой матери. — Ее взгляд темнеет. — Да, уйти сразу... Почему я не ушла? Потому что всегда надеешься на лучшее. — Зоя ударяет кулаком по подлокотнику кресла. — Он сволочь, — гневно цедит она сквозь зубы, глядя в пространство перед собой, — скотина, животное! Из-за грязной шлюхи подставить под удар жизнь дочери! Я убью его! — Она скидывает подбородок, и на ее раскрасневшееся лицо наползает маска вызова. — Покажи мне все, что у тебя есть. Меня уже мало чем можно напугать.

Зоя поворачивается к экрану и скрещивает руки на груди.

— Знаешь, — произносит она, пока Денис открывает папки на большом экране, подключенном к ноутбуку, — я даже не могу точно сказать, что сейчас чувствую.

Она хмурится и трет пальцами лоб.

— Понимаю, это все тяжело.

— Нет, — она медленно качает головой, — уже не тяжело. Ты мне все рассказал, так что я вижу, куда следует двигаться. Неизвестность позади, а страшнее неизвестности ничего нет. Денис, я же видела, что он вел себя неадекватно, но мне в голову не могло прийти, что он как-то связан с вымогателями. Это что ж у человека в голове, а? Чтоб с такой бабой связаться?

Всего лишь на пару секунд ее лицо мрачнеет, а затем она распрямляет плечи:

— А что ему будет за вранье, за намеренное неоказание помощи следствию? — Она усмехается одними губами.

— Что ему будет? Его действия подпадают под статью о сокрытии информации от следствия, наказание будет, но условное.

— Жаль. — Зойка барабанит пальцами с коротко стриженными ногтями по деревянному подлокотнику, и Денис слышит ее шумное дыхание. — Вот сволочь!

Стены его кабинета сотни тысячи раз были свидетелями подобных разговоров, но привыкнуть к ним и оставаться равнодушным

к невинным людям он так и не научился. Хотя абсолютно невиновных в своей беде не существует — каждый невиновный, сам того не сознавая, в какой-то мере становится соучастником преступления против себя.

— Надо же... Пятнадцать лет коту под хвост... Денис, а сколько светит этим сволочам?

— По статье сто восемьдесят девятой части четвертой Уголовного кодекса Украины за вымогательство и угрозы жизни предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от семи до двенадцати лет с конфискацией имущества.

— Жаль, что не пожизненное.

— Согласен, таких ублюдков тюрьма не меняет. Смотрим?

— Да.

— Это протокол допроса Марины Дудиной.

Ему нелегко наблюдать за Зоей не потому, что он давно знает ее и всю ее семью, а потому, что за полтора месяца непрерывного шантажа Зойка, веселая, талантливая художница-иллюстратор, превратилась в скелет, обтянутый кожей, и на нее теперь страшно смотреть — даже макияж не скрывает изможденность и невероятную усталость. Да, многие мужчины ходят налево, но чтобы вот так, как ее муж, связавшись со столь омерзительной особой... Это надо постараться. Или захотеть. Захотеть сильно. Ох, сколько тараканов в головах людей! С виду приличный человек, а внутри труха.

Зое нельзя отказать в наблюдательности — ее муж, Александр Петрович Гняздо, полгода назад, двадцать первого декабря, познакомился с Мариной Дудиной, блогершей, обучавшей женщин искусству «развода» мужиков. Знакомство тут же переросло в бурную связь, и Александр Петрович залип на Дудину. Из беседы с ним выяснилось: он понимал, что с Мариной связываться нельзя, но его член жил отдельной от хозяина жизнью и настойчиво тащил его к Марине.

— Ты ведь знаешь, у меня очень напряженная работа, — рассказывал Александр Денису Ильичу тихим, задумчивым голосом, — на мне огромная ответственность, договоры, деньги. Расслабиться очень трудно. Зоя — жена, а это семья, обязанности. А Марина... Это праздник. Я звонил ей, и она не отказала ни разу. Утром, вечером, ночью — пожалуйста! Ей нравятся приключения, придуманные имена.

Она действовала на меня как наркотик, — он искривил губы в ухмылке, — с ней я отдыхал. В какой-то мере. Иногда я говорил себе: все, хватит, но снова шел. С ней я открыл в себе... — он прищурился, глядя на Дениса, — я открыл в себе неизвестную мне доселе сторону, темную... Это здорово помогло в работе: я подготовил за короткое время пять шикарных проектов. Кстати, в одном проекте я показал Марину и себя. Ну, не в точности, сам понимаешь, но наш совет одобрил. — Он помолчал и продолжил: — Скажи, а ты знаешь свою темную сторону?

Денис не ответил.

— Молчишь? Ну как хочешь, можешь не говорить. — Он самодовольно улыбнулся. — А я буду откровенен с тобой... Эта женщина меня влекла безумно, я отрывался от земли, меня уносило, я все забывал. Все вокруг казалось никчемным, ничтожным. Вместе с тем я подспудно чувствовал себя в опасности, и это меня возбуждало. Это как прикоснуться к чему-то запретному. — Он снова откинулся на спинку стула. — Скажи, только честно, у тебя никогда не возникало такого чувства?

— Мне на работе хватает прикосновений к запретному, — холодно ответил Денис, не удивленный неожиданной откровенностью Саши, с которым за десять лет приятельских отношений никогда не касался в разговорах ничего личного.

Это обычное явление — раскрытие сокровенной тайны человека толкает его на вселенские откровения. Убийца, кроме одного убийства, сознается еще в трех. Вор вместо двух краж берет на себя еще одну, и только мошенники не открывают свои души. Что это? Бахвальство? Душевный эксгибиционизм, за которым кроется крик души, жаждущей еще более глубокого, более интимного разговора? И сколько раз, продолжая с пойманным преступником разговор уже в доверительном тоне, Денис Ильич наталкивался на что-то такое в его судьбе, что временами несчастного просто хотелось погладить по голове.

— Скажу тебе, это интересно. Это пробирает до мозга костей, спасает от ненужных мыслей. Это острее, чем самая увлекательная компьютерная игра.

— Но это не игра, это жизнь, — возражает Денис.

— А что наша жизнь? — Саша грустно усмехается. — Игра. А по-крупному мы играем, когда реальность становится костью в горле. —

Его глаза загораются, и он смотрит на майора с превосходством человека, переступившего грань, к которой многие даже подойти боятся.

— Зоя, может, тебе чаю, кофе? — спрашивает Денис.

— Нет, спасибо.

Она читает протокол допроса Марины Дудиной и медленно опускает руку на подлокотник — рука внезапно становится тяжелой, и усталость снова наваливается на плечи. Не та, за полтора месяца ставшая привычной, вязкая и мутная, как трясина, вселяющая ужас от незащищенности и непонимания происходящего, а вполне очевидная, с четкими формами, цветами, звуками, текстовыми сообщениями, фотографиями и именами. Ох!.. Как же тяжело знать правду, да еще такую, но это лучше, чем вообще ничего не знать.

— ...Как вы познакомились с Александром Гняздо?

— Нас познакомил Владимир Кучер, он работает с Гняздо в одной фирме.

— Где состоялось знакомство?

— В караоке-баре. Гняздо хорошо поет, у него приятный баритон. У меня тоже хороший голос.

— Вы сразу назвали стоимость ваших услуг?

— Да, сразу. Гняздо нравилось платить и требовать: сделай то, сделай это. Ему нравился грубый секс, нравилось приказывать.

— Вы знакомили Гняздо с вашим братом?

— Нет.

— Почему?

— Потому что Леониду во всей этой истории отводилась определенная роль.

— Вы с самого начала знали о его роли?

— Да.

— ...В соответствии с задокументированными показаниями потерпевших ваша преступная группа требовала от потерпевших сто тысяч долларов. Откуда вы получили информацию об их материальном положении?

— А что, это не было видно? Бедные не строят дома с бассейном.

— Отвечайте на вопрос.

— От Владимира Кучера.

— ...В соответствии с показаниями вашего брата вы спланировали преступление после ссоры с Александром Гняздо. В чем заключалась ваша ссора?

— Он оскорбил меня.

— Отвечайте конкретно.

— Он сказал, что я проститутка.

— Вы с этим не согласны?

— Этот вопрос к делу не относится.

— ...Кто планировал преступление?

— Владимир Кучер...

Тишину нарушает голос Дениса:

— Ты прочла?

— Да. Скажу тебе, Марина уж слишком откровенна.

— Мои тертые ребята на допросе краснели. Идем дальше или хватит?

— Идем дальше. — Зойка решительно кивает.

— Хорошо. — Его пальцы бегают по клавиатуре. — Это переписка по «Вайберу».

Вот и шестнадцатое января. В этот день Саша позвонил с работы, мол, сегодня у него важная встреча с заказчиками, вернется поздно, ждать не стоит. На тот момент Зоя уже не верила мужу и себе тоже не доверяла: что-то произошло с ней, с ее ушами, глазами, чувствами, сердцем — это было проклятое время полного неверия. Она будто болталась между небом и землей, болталась, как марионетка, а кто-то неизвестный дергал за веревочки, привязанные не только к ее мыслям и сердцу, а и к ногам и рукам. Висишь и понимаешь: происходит что-то нехорошее, но ты этого не видишь, а только чувствуешь. Ты обескуражена, пытаешься разобраться, но в чем? И что остается? Ждать, когда же шлепнешься с небес на землю и расшибешься. Возможно, в лепешку. А как может быть иначе после стольких лет, казалось бы, вполне счастливого брака? В этом состоянии она не верила ни во что, сомневаясь даже в том, что утром взойдет солнце, а ведь она считала себя сильной женщиной. Она успешно боролась с любыми проблемами, будь то болезни родных, протекания водопроводных труб или неполадки машины. Но те проблемы были

как бы осязаемы, предметны — измерить папе давление, заглянуть Тане в рот, сделать Саше массаж, вызвать сантехника, поехать на СТО, а тут... При всей ее интуиции и подозрениях, основанных не только на собственных умозаключениях, но и вызванных поведением мужа, его интонациями, взглядами, жестами (измена была ей видна во всем, даже в том, черт возьми, как он вилку держит!), она тем не менее отрицала бросающийся в глаза факт, что у Саши кто-то появился. Почему? Потому что признать это ей было тяжело. Она любила его. Пусть не так страстно, как в первые годы, но любила — он ее муж, друг, отец ее ребенка... И он ее любил — из-за нее пошел на развод! Хм... Чушь какая-то...

Шестнадцатого января она поработала в студии и легла спать. Около семи утра проснулась, но мужа все еще не было. Нигде. Позвонила и услышала в ответ: «Зараз немає зв'язку...» Спустившись в гараж и не увидев там его машины, она сильно испугалась и набрала Вову. Правда, в отличие от мужа, она не считала Вову другом. Да, они работают в одной фирме, но это нельзя было назвать дружбой, это с первого дня было соперничеством. Раньше оно было вполне безобидное — кто быстрее съест пиццу или переплывет речку. Но чем дальше, тем все более неприятным душком несло от их взаимоотношений — у Вовы хороший костюм, а я куплю лучше; у Саши дорогие часы, значит, очень скоро у Вовы появятся еще дороже. Саша злился, если не мог достойно противостоять, и Зойка успокаивала его, уговаривала не обращать внимания на все это, мол, Вова тебя дразнит, и это доставляет ему удовольствие. Но Саша супругу не слушал, и все продолжалось.

В какой-то момент Зоя махнула рукой: мужчины — те же дети, беспечные, глупые и хвастливые, пусть себе резвятся. Разница лишь в том, что в детстве они хвастают папами-мамами и машинками, а позже — часами, костюмами и машинами. И еще ей было жалко Сашку — его родители благоговейно вытирали пыль с бронзовых скульптур, с придыханием взирали на дубовый резной буфет середины восемнадцатого столетия, с умилением касались пылевым веничком миниатюрной чашечки, из которой, по семейной легенде, пил кофий сам кайзер Вильгельм, с многозначительным видом потягивали кофе из треснувших чашек и ели из тарелок, отмеченных по краям словом «Общепит» и клеймом «Сорт 3», а разговоры о деньгах и одежде

считали неприличными и даже оскорбительными, потому ни особых денег, ни приличной одежды в доме не водилось.

— Человек имеет то, что считает достойным себя, — декларировала Анна Павловна — она была выше мирской суеты.

Еще его родители частенько пропадали в самой популярной кофейне города, где высокоинтеллектуальный бомонд создавал довольно пеструю толкучку. Иногда они брали с собой маленького Сашку — он смотрел на эту публику, слушал заскорузлые диссидентские разговоры — завсегдатаи кофейни отказывались признавать, что Совок уже почил в бозе, потому как вместе с этим признанием рухнет весь уклад их жизни, насквозь пропитанный антисоветским трепом, — и, наслушавшись этих разговоров, поклялся себе, что таким, как они, не станет ни за что.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ